

Е. О. Старовойтова

1881–1905 ГОДЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В конце XIX в. сформировалась обширная область соприкосновения стратегических и геополитических интересов Российской и Цинской империй — российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая. Рассматриваемый период в отношениях между странами представляет особую важность, так как лишь после подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г. фактически завершилось пограничное размежевание между двумя сторонами. К этому времени правительство Российской Империи перешло к активной внешней политике на Дальнем Востоке, пытаясь найти пути решения проблем, возникших на российской стороне этих земель. В свою очередь, цинское правительство также изменило политику в отношении России. Стараясь восстановиться после поражения в Опиумных войнах и стремясь ограничить влияние Запада, Китай к концу XIX в. меняет внешнеполитический курс на более прагматичный.

Тогда же Восточная Азия становится областью столкновения стратегических интересов крупнейших капиталистических держав мира, таких как Англия, Германия, Франция, США, а также Японии в борьбе за раздел сфер влияния.

Не удивительно, что и сегодня данные события представляют интерес для китайских исследователей. Об этом свидетельствует большое количество работ, выпущенных за последние несколько лет в КНР: монографии, научные статьи, диссертации. А вот интерес российских исследователей к вышеупомянутым событиям в последние годы постепенно угасает, что не может не вызывать сожаления.

Несмотря на то что дипломатическая история отношений между Российской и Цинской империями в рассматриваемый период изучена советскими и российскими учеными относительно полно, сегодня ощущается необходимость переосмысления тех или иных событий и их последствий. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что в работах современных китайских исследователей встречаются порой абсолютно противоположные оценки характера взаимоотношений между двумя странами в указанный период. Одни ученые, например специалист из Хунаньского педагогического университета Лю Лэй (刘垒), и сегодня утверждают, что с конца 1880-х гг. Царская Россия в соответствии со своими стратегическими интересами, пользуясь объективной слабостью Китая, постепенно укрепляла позиции на Северо-Востоке Китая, в то время как правительство Цин, действуя согласно идеям Ли Хунчжана (李鸿璋)¹, лишь «зарывало голову в песок» (*Янь эр дао лин* 掩耳盗铃) [1, с. 32]. Другие же, например профессор исторического факультета Пекинского университета Сюй Ваньминь (徐万民), полагают, что «усилия Ли Хунчжана и Витте полностью соответствовали государственным интересам обеих стран» [2, с. 248].

¹ Выдающийся государственный деятель и дипломат позднецинского Китая.

© Е. О. Старовойтова, 2012

Причиной наличия столь принципиальных различий в оценках одного и того же, довольно непродолжительного, периода 400-летней истории российско-китайских отношений является, на наш взгляд, то, что именно в конце XIX — начале XX в. оба государства столкнулись с вызовом, брошенным им изменяющимся миропорядком, и были вынуждены искать способы ответить на этот вызов.

Поиск адекватных изменяющимся геополитическим условиям путей развития правительствами обеих империй был осложнен противоречиями в правящих кругах России, представители которых зачастую ложно понимали свои национальные интересы, а также «наивностью» правящей элиты позднецинского Китая, которая не осознавала отсталости своего государства и невозможности заключения союзов с колониальными державами на равных условиях.

Видимо, можно предположить, что в конце XIX в. у Царской России не существовало четкой стратегии как в отношении российского Дальнего Востока, так и в отношении Северо-Востока Китая. Приведем в пример отрывок из воспоминаний Сергея Юльевича Витте: «Государь Император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами» [3, с. 42].

Что же касается китайской стороны, то в конце XIX в. у деятелей общественной мысли Китая еще не было средств, позволяющих однозначно оценить внешнеполитический курс правительства империи Цин. Мыслители того времени обычно пользовались примерами из истории, чтобы описать современность. Например, отношения между европейскими державами того периода часто сравнивались с отношениями в Китае в период «Весны и Осени и Сражающихся Царств» (Чуньцю Чжаньго 春秋战国). В результате сохранения подобных воззрений правительство Цин продолжало действовать в соответствии с дипломатическими традициями, зачастую оторванными от реальности, и руководствоваться в своей внешней политике такими стратегами формулировками, как «руками варваров усмирять варваров» (*И и чжи и 以夷制夷*). Отношения с западными державами, а также с Россией «цинская дипломатия внутри страны продолжала интерпретировать исключительно с точки зрения китаецентристских представлений» [4, с. 265].

Этими противоречиями в русских и китайских политических кругах объясняются столь переменчивая и неоднозначная внешняя политика обеих сторон по отношению друг к другу после 1881 г. и, как следствие, невозможность закрепления позитивных результатов, достигнутых в середине 1890-х гг.

В связи с упомянутыми факторами вышеозначенный период в российско-китайских отношениях обратил на себя особое внимание российских специалистов-китаеведов, занимающихся историей русско-китайских отношений. Так, согласно мнению академика В. С. Мясникова, именно ко времени с конца XIX в. до революции 1917 г. относится становление модели равносторонних отношений между Российской и Цинской империями [5, с. 11]. А. Д. Воскресенский также признает, что с 90-х гг. XIX в. наступает качественно новый этап в развитии отношений между сторонами, связанный как со вступлением России в эпоху империализма, так и с внедрением в дипломатическую практику Китая институтов западного международного права, что было связано с поражением в Опиумных войнах. Ученый подчеркивает, что особенностью

российско-китайских отношений означенного периода был «акцент русской дипломатии на равноправной основе этих отношений, на неприятии методов прямого насилия» [4, с. 266]. Ю. М. Галенович, описывая историю формирования российско-китайской границы в начале XX в., отмечает, что «вопросы территориального размежевания решались способами, принятыми в области международных отношений и международного права, — путем проведения переговоров и подписания в их итоге договоров и соглашений, других соответствующих документов, которые не представляли собой ультиматумов или актов о капитуляции» [6, с. 8].

Абсолютно новым явлением в русско-китайских отношениях освещаемого периода было появление обширной территории соприкосновения двух держав как следствия демаркации границы, ставшей самой протяженной в мире общей границей между двумя государствами, и вхождения Приамурья в состав Российской империи. Проблемы установления границы были тесно связаны с освоением российского Дальнего Востока, а также с управлением китайским населением на приобретенных Россией территориях.

Стоит напомнить, что под «китайским» населением в тот период понимались все бывшие подданные Цинской империи, в том числе ханьцы, тунгусо-маньчжурское население, монголы, а также корейцы. Как отмечает Ю. М. Галенович, «граница между нашими двумя странами разделяла территории двух империй, двух великих государств мира, но при этом подспудно существовали и ждали своих решений вопросы о национальном самоопределении нескольких национальных общностей, которые либо вошли полностью в состав той или иной империи, либо были разделены на части границей между ними» [6, с. 7]. Все эти факторы оказывали значительное влияние на складывание отношений между сторонами в освещаемый период.

Другой феномен, характеризующий отношения между сторонами в то время, — это так называемое «мирное проникновение» России в Китай как следствие экономической политики С. Ю. Витте. Наиболее яркими его проявлениями стали учреждение в 1895 г. Русско-китайского банка (*Хуа Э даошэн иньхан* 华俄道胜银行), а также строительство КВЖД (*Чжун дун те лу* 中东铁路), начавшееся после подписания 22 мая 1896 г. в Москве секретного договора, заключенного между Россией и Китаем, «О союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД».

С. Ю. Витте пишет в своих мемуарах: «...секретным договором с Китаем, который был составлен, мы получали право проведения железной дороги через Монголию и Маньчжурию до Владивостока. Таким образом, в наши руки передавалась дорога величайшего политического и коммерческого значения, причем в то время мы усиленно подчеркивали, и я подчеркивал это с полным убеждением, что дорога эта не должна служить ни при каких обстоятельствах орудием каких бы то ни было захватов; она должна была быть орудием сближения восточных и европейских наций, сближения, как материального, так и морального» [3, с. 71].

Исследователь истории русской диаспоры в Маньчжурии первой трети XX в. О. И. Еропкина утверждает, что именно «КВЖД оказала огромное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии», подчеркивая, что «полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом в Китае. По всей Северной Маньчжурии русские и китайцы жили вместе, бок о бок, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при обживании новых для них мест» [7, с. 132].

При изучении российско-китайских отношений конца XIX — начала XX в. не следует забывать и о роли в них западных держав, а также Японии. Как уже говорилось выше, в этот исторический период Китай стал местом столкновения стратегических интересов крупнейших колониальных держав мира в борьбе за раздел сфер влияния, при этом оставаясь одной из немногих стран, наряду с Персией и Турцией, сохранивших относительную независимость. Китайский ученый Чжан Гонин (张国宁) характеризует положение Китая в тот период как «состояние полунезависимости» (*Бань дули чжуаньтай* 半独立状态) [8, с. 25].

Очевидно, что колониальные державы, преследуя собственные интересы, негативно относились к сближению России с Китаем в 90-е гг. XIX столетия. Негативные оценки данного периода присутствуют и в работах западных ученых, посвященных истории российско-китайских отношений. Например, в монографии «Русско-китайские отношения: краткая история» британский автор Розмари Квестет так оценивает процесс подписания секретного договора между Россией и Китаем в 1896 г.: «русские склонили Ли Хунчжана (якобы с помощью подкупа, хотя этому нет доказательств) подписать [данное] соглашение» [9, р. 82].

О негативном отношении западной, прежде всего английской, дипломатии к укреплению связей России с Китаем в описываемый период свидетельствуют как опубликованные еще в начале XX в. документы Британской Империи по вопросам политики в Китае, так и документы по русско-китайским отношениям конца XIX — начала XX в., хранящиеся в РГИА. В телеграмме официального агента министерства финансов Российской Империи в Китае Дмитрия Дмитриевича Покотилова министру финансов от 14 (27) февраля 1901 г. № 150 говорится: «Ли-хун-чжан... считает долгом предупредить Вас о происках англичан и японцев, запугивающих двор через посредство Нанкинско-го и У-чанского генерал-губернаторов. Я постарался убедить Ли-хун-чжана, что главная цель иностранцев — это поссорить нас с Китаем и заставить нас против нашей воли продолжать военное занятие Маньчжурии, что даст им желательный предлог захватить другие части Империи» [10, л. 27 об.]

Подобное негативное отношение Запада и Японии не могло не сказаться на дальнейшем развитии связей Российской и Цинской империй. Недаром с конца 90-х гг. XIX в. между сторонами созревает конфликт, связанный с введением российских войск в Китай, а также с участием России в подавлении восстания Ихэтуаней (义和团), после чего цинское правительство сменило свою внешнеполитическую тактику на отдаление от России и сближение с Западом.

Однако документальные источники по истории указанного периода подтверждают, что российские дипломаты того времени действительно искали пути к установлению равноправных взаимовыгодных отношений. В этой связи примечателен эпизод, о котором идет речь в телеграмме Д. Д. Покотилова министру финансов от 1 (14) мая 1900 г. № 354: «Сюй-цзинь-чэн² имел продолжительную беседу со мною. Он сетовал на то, что, постоянно предъявляя различные требования китайскому правительству относительно Маньчжурии, мы в то же самое время сами упорно отказываем китайцам в удовлетворении всех их законных желаний. Сюй-цзинь-чэн находит крайне несправедливым, например, отказ наш допустить пропуск в Цицикар через русскую

² Сюй Цзинчэн (许景澄) — посланник цинского Китая в Санкт-Петербурге с 1891 по 1897 г. Председатель правления Общества КВЖД с 1897 по 1900 г.

территорию двух или даже одного небольшого речного парохода, который Цицикарский цзян-цзюнь желал бы иметь в своем распоряжении для судоходства по реке Сунгари Нонни-цзян для полицейских целей, а также перевоза провианта. Министерства Иностранных Дел Приамурский генерал-губернатор относится крайне отрицательно к настоящему вопросу, по-видимому, из соображений военного характера. Сюй-цзинь-чэн спрашивает меня, не можем ли мы помочь в этом деле Цицикарскому цзян-цзюню, уступить ему или купить за его счет один или два парохода. Я отвечал Сюй-цзинь-чэну уклончиво, но считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что, по моему мнению, решительно нет основания опасаться дурных последствий от удовлетворения ходатайства Цицикарского цзян-цзюня. Я держусь того мнения, что напротив, если бы успешно провести это дело чрез посредство Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, то это значительно облегчило бы решение разных вопросов, возникающих ныне в Маньчжурии. Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство дать мне указания по сему предмету» [11, л. 17]. Очевидно, что речь идет об очень неоднозначном периоде в истории взаимоотношений двух государств, когда действия обеих сторон определялись целым рядом внешне- и внутривнутриполитических факторов.

Российские политические деятели — современники описываемых событий — также пытались проанализировать события конца 90-х гг. XIX — начала XX в., негативно повлиявшие на дальнейшее развитие отношений между двумя соседствующими государствами. Так, меры по введению российских войск в Китай после укрепления немцев в Циндао в 1897 г. С.Ю.Витте считал вынужденными, признавая, что эти действия и последовавшая за ними активизация Англии и Японии стали «роковым шагом, кончившимся несчастной для нас японской войной и затем и смутами». Боксерское восстание С.Ю.Витте называл результатом захвата Квантунской области, ввод российских войск в Пекин, а затем в Маньчжурию, по его мнению, лишь результаты «бедственной политики» Н.В.Муравьева³, «легкомыслия» А.Н.Куропаткина⁴, отсутствия «твердых решений» у Николая II, в результате чего «Китай убедился в том, что нам верить нельзя». «Несомненно, эта междоусобица и падение Китайской Империи произведет такой громадный переворот на Дальнем Востоке, что последствия этого будут ощущаться и нами и Европою еще десятки и десятки лет» [3, с. 136].

Тем не менее, несмотря на то что китайские авторы порой и сегодня дают негативные оценки политике Царской России на Дальнем Востоке, они признают, что Россия оказала огромное влияние на развитие Китая. Например, директор Института России АОН провинции Цзилинь Ван Шицай (王世才), чей доклад прозвучал в рамках XVIII Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир», занимается проблемами соприкосновения культур Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. В своем выступлении исследователь уделил особое внимание тому практическому значению, которое имеют культурные обмены приграничных районов Китая и России [12, с. 38].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что сегодня вновь ощущается необходимость в обращении российских китаеведов к всестороннему изучению российско-

³ Н. В. Муравьев (1850–1908) — министр юстиции и Генерал-прокурор Российской империи с 1894 по 1905 г.

⁴ А. Н. Куропаткин (1848–1925) — военный министр Российской Империи с 1898 по 1904 г.

китайских отношений конца XIX — начала XX в., освещении событий не только в сфере политики, но также в сфере культуры и экономики.

Основной особенностью данного этапа в истории взаимодействия двух империй, на наш взгляд, является его противоречивый характер. Менее чем за три десятилетия отношения между государствами прошли несколько стадий: от заключения взаимовыгодных соглашений в сфере пограничного размежевания, торговли, финансов, что способствовало также активному культурному обмену, до военного конфликта и практически полного отдаления. В результате, в начале XX в. исторические обстоятельства сложились таким образом, что Китай был вынужден пойти на сближение с Западом, а Россия вступила в войну с Японией. Не стоит забывать, какое влияние оказали дальнейшие события на судьбы обеих империй.

При анализе этого исторического периода важно выявить глубинные причины возникновения разногласий и неспособности закрепления положительных результатов, достигнутых дипломатами и предпринимателями России и Китая в 90-е гг. XIX в. С.Ю. Витте писал в своих воспоминаниях: «Я пришел тогда к заключению, которого держался все время, что России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим — сильный... Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а, следовательно, и будущего благоденствия Российской Империи» [3, с. 43]. «Я считал делом величайшей государственной важности привести начатые мною разговоры к концу... дабы установить крепкие, незыблемые отношения с таким великим колоссом, каким является Китай, колоссом, находящимся в соседстве с Россией» [3, с. 55]. Эти слова, написанные в начале XX столетия, и сегодня звучат более чем актуально. Переосмысление событий в отношениях России с Китаем в указанный период с точки зрения геополитического и геокультурного взаимодействия будет способствовать формированию более точного и объективного представления об их характере.

Очевидно, что причины возникновения противоречий между двумя странами не только лежали в плоскости дипломатии, но были связаны также с цивилизационными особенностями и спецификой политической культуры обеих стран. Выявление этих особенностей необходимо для успешного развития диалога между сторонами на современном этапе, когда оба государства вновь сталкиваются с многочисленными глобальными вызовами в поисках дальнейших путей развития.

Основные события в российско-китайских отношениях с 1881 по 1905 г.:

- 1881 (Седьмой год правления под девизом Гуансюй 光绪七年) — подписан «Санкт-Петербургский договор, заключенный между Россией и Китаем, об Илийском крае границы и торговле в Западном Китае» (伊犁条约).
- 1896 (Двадцать второй год правления под девизом Гуансюй 光绪二十二年) — подписан секретный «Московский договор, заключенный между Россией и Китаем, о союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД» (御敌互相援助条约).
- 1897 (Двадцать третий год правления под девизом Гуансюй 光绪二十三年) — российская эскадра занимает Порт-Артур (旅顺口).
- 1898 (Двадцать четвертый год правления под девизом Гуансюй 光绪二十三年) — подписана «Конвенция, заключенная между Россией и Китаем, об арен-

де части полуострова Ляодун с портами Люйшунькоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающими к ним водным пространством и территорией» (旅大租地条约).

- 1900 (Двадцать шестой год правления под девизом Гуансюй 光绪二十六年) — участие российских войск в подавлении восстания Ихэтуаней.
- 1901 (Двадцать седьмой год правления под девизом Гуансюй 光绪二十七年) — подписан «Заключительный протокол между Китаем и иностранными государствами о контрибуции, запрещении ввоза в страну оружия, занятия войсками иностранных держав ряда пунктов в Северном Китае, строительстве в Пекине укрепленного посольского квартала и пр.» (辛丑条约).
- 1902 (Двадцать восьмой год правления под девизом Гуансюй 光绪二十八年) — подписано «Соглашение между Россией и Китаем об условиях вывода русских войск из Маньчжурии» (交收东三省条约).
- 1903 (Двадцать девятый год правления под девизом Гуансюй 光绪二十九年) — Россия приостанавливает вывод войск из Северного Китая. Образовано Наместничество Дальнего Востока с резиденцией в Порт-Артуре во главе с адмиралом Е. И. Алексеевым, в состав которого вошли Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область. Рост международного напряжения на Дальнем Востоке.
- 1904 (Тридцатый год правления под девизом Гуансюй 光绪三十年) — начало русско-японской войны.
- 1905 (Тридцать первый год правления под девизом Гуансюй 光绪三十一年) — поражение России в русско-японской войне. Подписан «Портсмутский мирный договор» (朴茨茅斯和约). Аннулировано действие соглашений 1896 и 1898 гг.

Источники и литература

1. Лю Лэй. Исследование эволюции политики правительства Цин в отношении России 1896–1905 гг.: от близости к отдалению. Хунань: Изд-во Хунаньского педагогического университета, 2008. 93 с. (Лунь 1896–1905 няньцзянь Цин чжэнфу юй цинь Э дао шу Э чжэнцэ дэ шаньбянь.)

2. Сюй Ваньминь. К вопросу о переоценке русско-китайского военного конфликта 1900 г. // Русско-китайские отношения: история и современность / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 245–256. (Гэнцзы Чжун Э дунбэй чжи чжань фаньсылу // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сянъши.)

3. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. 575 с.

4. Воскресенский А. Д. Дипломатическая история Санкт-Петербургского русско-китайского договора 1881 года. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 439 с.

5. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.

6. Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке — Граница. М.: Изограф, 2001. 335 с.

7. Еропкина О. И. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 132–138.

8. Чжан Гонин. Антироссийские идеи поздней Цин и зарождение национального самосознания (1840–1900). Хэнань: Изд-во Хэнаньского университета, 2008. 67 с. (Вань Цин фан Э сычао юй цзиньдай цзаоци миньцзу иши (1840–1900).)

9. *Quested R. K. I. Sino-Russian Relations: a Short History*. Oxfordshire: Routledge, 2005. 200 p.

10. Об отпуске средств на подкуп китайских сановников при заключении соглашения с Китайским правительством о концессиях в Китае и Маньчжурии, на учреждение Ортопедического Института и другие нужды // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 211. Л. 27–28.

11. Переписка с Правлением Общества о судоходстве по реке Амуру и ее притокам, о прямой телеграфной связи между дорогами России и КВЖД // РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 6. Л. 17.

12. *Ван Шицай*. Обмены и слияние культур Северо-Восточного Китая и России // Тезисы докладов XVIII Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.): в 2 т. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. Т. 1. С. 35–38.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.